

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

За чертой милосердия

4 октября 2014 года партизану-добровольцу Карельского фронта, народному писателю Карелии Дмитрию Яковлевичу ГУСАРОВУ исполнилось бы 90 лет.

Он родился в некогда большом и богатом псковском селе Тулубьево, в 25 километрах от Великих Лук, в семье, соединившей два наиболее состоятельных крестьянских семейства Гусаровых и Котковых. Однако в родном селе он прожил всего восемь лет. Его отец, кузнец и председатель ревизионной комиссии местного колхоза Яков Гусаров, в конце 1933 года вместе с женой и детьми вынужден был бежать от очередной волны раскулачивания и высылки за Урал.

О скитаниях семьи по Псковской и Ленинградской областям, о жизни в начале Великой Отечественной войны в эвакуации в городе Ирбите Свердловской области, о боевой юности писателя в партизанском отряде и работе в Карелии после войны написал в биографической книге «**Дмитрий Гусаров. Раненый ангел**» наш давний автор, писатель Константин Васильевич ГНЕТНЕВ.

Имя Дмитрия Яковлевича Гусарова особенно дорого для нас. Приняв в 1954 году руководство маленьким петрозаводским журналом («На рубеже»), он вывел его на уровень наиболее известного и яркого регионального литературного издания Советского Союза. Главный редактор литературно-художественного журнала «Север» с 1954 по

1990 год, Д. Я. Гусаров заложил традицию отбора произведений, основанных на правде, несущих традиционные ценности народа – справедливость и добро. Этой традиции неуклонно придерживается и сегодняшнее поколение «северян».

Мы представляем одну из глав новой книги К.В.Гнетнева. Писатель был хорошо знаком с Д.Я.Гусаровым, работал под его началом в редакции журнала. Мы узнаем, как Д.Я. Гусаров работал над главным произведением своей жизни – романом-хроникой «За чертой милосердия». Работа эта, сделавшая имя писателя известным в СССР, стала для него настоящей драмой.

Полностью с биографической книгой К. Гнетнева «**Дмитрий Гусаров. Раненый ангел**» можно будет познакомиться скоро: она выйдет к концу нынешнего 2014 года. Автор обстоятельно, на основании данных архивов и свидетельств современников раскрывает перед читателем этапы становления Д.Я. Гусарова как личности, его семейную историю, детство и отрочество, его творческую, писательскую судьбу. Автор показывает атмосферу писательского сообщества Карелии 60-90-х годов, становление Союза писателей Карелии в послевоенный период и повседневную жизнь одного из ведущих региональных журналов России – журнала «Север».

*Такова была обстановка, такая была задача!
И никто не считался с потерями.
Такова была война.*

Дмитрий Гусаров

В 1969 году Д. Я. Гусаров приступил к работе над книгой о походе первой партизанской бригады под командованием майора И. А. Григорьева на Поросозеро. Примерно год он собирал и систематизировал материалы, а осенью 1970 года начал писать, не прекращая, впрочем, архивных разысканий.

В том рейде по тылам противника сам он не участвовал. В июне-августе 1942 года, когда партизаны, преодолевая страшные лишения и неся громадные потери, воевали в глухой карельской тайге, 18-летний Дмитрий Гусаров еще только учился в спецшколе в Сегеже.

1

Бригадный поход чрезвычайно интересовал Дмитрия Гусарова. Первые попытки делать записи на эту тему, основываясь на рассказах старших товарищей, он делал еще в архангельском госпитале. Рукопись он назвал так: «Воспоминания о партизанской борьбе отряда «Боевые друзья» и I партизанской бригады КФССР». Тогда 19-летний командир отделения разведки весь поход бригады уместил на 2,5 страничках рукописного текста, исполненного примерно таким стилем: «Путь обратно был сплошным кошмаром...»

Через 33 года, 11 декабря 1977 года, передавая документы в Национальный архив Карелии, Д. Я. Гусаров сделал на титуле своих «воспоминаний» такую ремарку:

«У этой записи есть лишь одна ценность – она сделана весной 1944 года. Даты, цифры, эпизоды – во многом неточны, они писались по памяти с юношеским стремлением приукрасить скудность партизанских будней».

Лучше многих знавший истинное значение архивного документа, Дмитрий Яковлевич предупредил будущих исследователей: будьте начеку!

Теперь же, приступая к работе, известный писатель Д. Я. Гусаров думал, что знает о рейде больше всех. Ему казалось, что большая повесть листов на 15, где главным героем станет молодой партизан Вася Чуткин (единственный вымышленный персонаж в книге), позволит сказать правду о трагедии и героизме бойцов бри-

гады и о той тайной лесной войне, которую он познал сам.

Он хорошо начал, и бригада под его пером пошла к линии боевого охранения финнов, теряя товарищей на минных полях. Однако, к удивлению автора, путь этот с каждым километром породил и породил вопросы, на которые ни у командования тогда, ни у писателя теперь ответов не было.

Работа завязла на первых же главах. И Гусаров понял, что ошибся...

Он осознал вдруг, что никакой литературно-художественной повести на тему похода у него не получается. Он не знает ответов на множество чрезвычайно важных вопросов, а фантазировать и гадать не имеет права. За каждым именем, названным им в книге пусть даже единожды, стоят реальные люди. Матери, дети и внуки этих людей больше тридцати пяти лет ждут правды и только правды...

Но эту правду еще только предстояло открыть...

«...Я не стал писать, как гибнет весь взвод (взвод А. Бузулуцкого. – Прим. К. Г.), хотя вначале собирался это сделать, – позже в газетном интервью рассказывал писатель о работе над книгой. – Но потом понял, что беру на себя чрезвычайно большую ответственность... Нашлись жена и сын Бузулуцкого, они живут в Кривцах. Весной я читал по радио отрывок из романа. И вот пришло неожиданное письмо от сына Андрея Бузулуцкого. Он писал, что мать слушала радиопередачу и вдруг чуть не упала в обморок...»¹

Дмитрий Гусаров не знал и другого, может быть, самого важного для себя, – какую долю обнаженной, подчас кроваво-жестокости военной правды может себе позволить.

«... Вещь, к которой внутренне готовился, можно сказать, всю жизнь, оказалась для меня непосильной. Материал диктует такие решения, что рука, привыкшая к редакторскому карандашу, не в состоянии писать это.

Всякая бесчеловечность противна моему нутру, и я не способен найти для неё какие-либо смягчающие обстоятельства. А без этого – дикий, жестокий натурализм, который никому не нужен, а главное, – он не будет соответствовать тому прекрасному и возвышенному настрою, которым жили в те годы мои партизаны...» (из письма З. А. Богомоловой от 4 декабря 1971 года).

¹ Газета «Комсомолец», 1976, 25 сентября.

Он был опытным писателем, чтобы догадаться: впереди чудовищно трудная и – постоянно думал об этом! – непроходимая через цензурные рогатки работа.

И Дмитрий Яковлевич отложил повесть в дальний ящик стола...

2

В анализе писательской работы над произведением часто помогает авторская датировка. Она существует и у Гусарова. Однако датировка романа-хроники «За чертой милосердия» лукава: «1970 – 1976». В пространстве шести лет работа над книгой распределилась очень неравномерно. В течение первых пяти лет Гусаров не написал и полутора сотен страниц – меньше трети всей книги.

...Мы никогда бы не прочитали романа-хроники «За чертой милосердия», как не узнаем десяток крупных повестей и романов, оставленных Дмитрием Гусаровым в самом начале работы. И теперь он остановил работу на 140-й странице, безо всякой надежды на продолжение...

Бригада в повести к тому времени самовольно изменила утвержденное штабом направление движения и пошла к сплавному поселку Тумба, где сохранились бани. Партизаны впервые столкнулись с серьезными затруднениями – их «атаковали» вши. Осложнились отношения между комбригом И. А. Григорьевым и комиссаром Н.П. Аристовым. Перед автором встал такой ком проблем, что Гусарову стало ясно: никакая повесть вместить их не сможет...

...Когда рушится первоначальный замысел, на писателя осиным роем набрасываются сомнения. Сомнения бьют по рукам, порождают уныние и неверие в свои силы. В такое время спасительным может стать только одно – доброе и душевное участие человека, которому всецело доверять.

И такой человек нашелся...

Когда-то давно, в конце сентября 1954 года, на II съезде писателей СССР Дмитрий Гусаров познакомился с филологом, начинающим литературным критиком и преподавателем Ставропольского пединститута Зоей Богомоловой. Знакомство переросло в дружбу и поддерживалось нечастыми письмами...

В апреле 1971 года З.А. Богомолова, уже изве-

стный ученый, педагог и литературный критик, приехала в Петрозаводск для участия в работе VI съезда писателей Карелии. Как члена правления, Дмитрия Яковлевича «прикрепили» к госте. Все три дня они провели вместе, удивляясь и радуясь редкому совпадению взглядов на литературу и современный литературный процесс. С той поры и почти до самой смерти в 1995 году Д.Я. Гусаров и З. А. Богомолова вели активную переписку, встречались на съездах и пленумах Союза писателей СССР, на отдыхе в домах творчества и санаториях и помогали друг другу в творческих делах.

Зоя Богомолова – это и есть тот друг, которого часто вспоминает в дневниковых записях Дмитрий Яковлевич, кого благодарит за важные для него подсказки и помощь. Широко образованная, рассудительная и необыкновенно обаятельная женщина убедила Гусарова открыть повесть «Партизанская музыка» «Рассказом о раненом ангеле», эпиграфом к которому стало пронзительное четверостишие Майи Борисовой:

*Кем ранен ты, мой светлый ангелок?
Застыл ты обессиленно и немом...
Каков же дикий вихрь тебя совлёк
С высокого и солнечного неба?*

Рассказ написан Гусаровым раньше как самостоятельное произведение, предназначавшееся в финал повести. Но, став первой главой, он не только приобрел более глубокий смысл, но и задал всему произведению высокую и печальную ноту.

Однако главное, что сделала эта мудрая женщина, состоит не в конкретных подсказках. На долгие годы она стала моральной опорой, настоящей исповедницей для Дмитрия Яковлевича.

«Я все чаще думаю, что если бы не Вы, Ваше отношение к моей работе, не было бы ни «За чертой милосердия», ни «Партизанской музыки», – писал он. – Как нужно нам, пишущим, внимание и доброта!»

Именно Зоя Богомолова сумела вывести Гусарова из творческого ступора. Она прочла первые главы, на которых «забуксовал» писатель, и во время встречи в Гаграх в 1975 году нашла нужные слова, чтобы подтолкнуть Гусарова к продолжению работы...

«...Ни одна строка, начиная с пятой теперь главы, не написана без Вашего внимания. Боже мой, как мне дорого и свято было Ваше отношение к этой рукописи! И Вы отнеслись к ней так душев-

но-умно, как не мог бы, наверное, никто! Это да-
ло мне силы закончить её...»

З.А. Богомолова опубликовала письма Д.Я.Гусарова, написанные им в период с 1971 по 1994 год.² Их в сборнике без малого полторы сотни. Очевидно, это только часть эпистолярного наследия писателя, которую она сочла нужным предать гласности.³

3

Вновь принявшись за работу, Дмитрий Яковлевич больше не употреблял определение «повесть» применительно к будущей книге. Но и роман он писать не собирался. Точнее, не мог писать...

Позже, когда начнется широкое обсуждение в прессе его новой книги, избранный Гусаровым жанр поставит многих рецензентов и критиков в сложное положение. Те, кто хотели видеть в произведении роман, обвиняли автора в отсутствии психологизма и непреременных отступлений, объясняющих мотивы поступков главных героев.

Знаменитому в те годы писателю-фронтовику Константину Симонову хотелось «яснее представить себе предысторию командира бригады», и он аккуратно упрекал Гусарова в том, что в книге «не до конца в этом смысле прописано...». Петрозаводский критик, доктор филологических наук и автор единственной книги-очерка о Гусарове Юрий Дюжев⁴ также видел в книге роман и также советовал автору «...в воссоздании духовной жизни героев, вероятно, можно было с большей свободой и смелостью довериться своему художественному вкусу и фантазии».

Известный советский писатель Сергей Залыгин, размышляя о природе жанра книги Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия», выводит своё определение – «роман-свидетельство». Но тут же поправляется: «...А так как нет такого жанра – «роман-свидетельство», он (*Гусаров. – Прим. К.Г.*) и принимает другое примечание – «хроника», под которым как бы уже само собою разумеется свидетельство...»

Более определен в своих требованиях критик Ю. Андреев, который заявил прямо: там, где Гусаров описывает боевые операции, «начинает самодовлеть событие вне его отношения к людям и их характерам, там изложение начинает пробуксовывать, роман-хроника превращается в протокол...»

Такая прямота в оценке литературного произведения всегда сомнительна.

Критик Н. Куницын в «Нашем современнике» по-своему попытался объяснить позицию автора: «...Писатель дал как бы результат происходившего, описал больше само движение, событийную сторону и меньше то, что принято называть «диалектикой души». Бывшая студентка филфака Петрозаводского университета рассказывала мне, как преподаватели на лекциях взахлёб говорили о новом романе Гусарова. А студенты читали и откровенно смеялись: где, мол, они увидели роман, что там романного?»

Девчонок-хохотушек с филфака, «хорошисток», освоивших жанровые определения и набор рекомендованной классики, в те годы мог поставить в тупик не только Дмитрий Гусаров. В 70-80-е годы писатели, хлебнувшие войны полной мерой, выпустили целый ряд произведений, жанр которых казался непривычен и даже «низок» в сравнении с уже сделанным. Они предприняли попытку исследовать человека, оказавшегося в самых драматических обстоятельствах войны, с помощью новых изобразительных средств...

Основываясь не на свободном художественном вымысле, не на сюжете, а на документе, на живом рассказе непосредственного участника и свидетеля событий, они пытались понять, что означали на войне такие человеческие качества, как самоотверженность, жертвенность, самоотречение. И не просто во имя некой отвлеченной цели, но ради сохранения обычного человеческого достоинства и чести.

Едва ли студентки могли совладать с жанровым определением пронзительной в своей обыденной и безыскусной трагичности книги «Я из огненной деревни». Её авторы А. Адамович, Я.Брыль и В. Колесник в течение нескольких лет ходили по белорусским деревням из зоны бывшей немецкой оккупации и просто записывали рассказы жителей о пережитом в войну. А как определить жанр «Блокадной книги» Д. Гранина и А.Адамовича? К какому жанру отнести документальные произведения С. Алексиевич, С. Смирнова и П. Сажина?

² Литература в письмах. Из переписки З.А. Богомоловой (сост. З.А. Богомоловой). – Ижевск: Удмуртия, 2010, сс.30-33;105-188.

³ З. А. Богомолова скончалась 13 октября 2012 года на 90 году жизни, так и не успев осуществить заветное желание побывать с дочерью Ларисой на могиле Д. Я. Гусарова в Петрозаводске.

⁴ Дмитрий Гусаров. Очерк творчества. – Петрозаводск: Карелия, 1984.

Даже о такой динамичной, наполненной психологическим напряжением книге «В августе сорок четвертого», по которой снят уже не один боевик, её автор, писатель Владимир Богомолов, говорил как о сугубо документальной. Автор-фронтовик настаивал: «В ней... нет ни одной сочиненной мною фразы или даже слова... и нет ни одного придуманного мною термина или детали...»

4

Но кого-кого, а Д. Гусарова не нужно было учить писать романы – и «Боевой призыв», и «Цена человеку» – полноценная художественная романная проза. А вот «За чертой милосердия» – это что-то другое...

Что?

Юрий Андреев отнес роман-хронику к художественной документалистике. Сегодня говорят еще и о «документальной прозе», о «литературе факта»; в мировой практике для определения такого рода литературы используют термин «non fikshen»...

Что это за явление – сказать трудно...

Казалось бы, два этих слова – художественная и документалистика, – будучи поставленные рядом, существовать не могут. Они антиподы. Но тогда к какому жанру отнести целый ряд прекрасных биографических книг, вышедших в последние годы? Среди них выделяются великолепные работы питерца Николая Коняева – о Н. Рубцове, В. Пикуле, Д. Балашове, митрополите Иоанне и других известнейших деятелях России. Исполненные первоклассной прозы, они документально выверены и точны, ставят перед читателем злободневные личностные и общественные проблемы, оказывая сильнейшее влияние на ум и душу.

Художественная документалистика...

Хотя, вероятно, это не самое главное для нас сегодня в оценке писателя-фронтовика. Принимаясь за прерванную работу после нескольких лет простоя, Дмитрий Яковлевич, конечно, чувствовал, но едва ли до конца понимал, какие трудности она сулит впереди. Эволюцию рабочего настроения той поры лучше всего можно проследить из его писем Зое Богомоловой:

Письмо от июля 1975 года: «...Все время мечусь между Сциллой документалистики и Харибдой желанья дать волю фантазии. Так и мечусь из стороны в сторону, ищу какую-то равнодействующую линию, которая вряд ли возможна...»

Август: «Работа постылеет мне все больше и

больше. Сейчас в самую бы пору бросить её, но уже не могу этого сделать: увяз по уши...»

«Как жалею я теперь, что не взялся за свободный роман на эту тему, что связался с документальностью! Я был бы волен и никому ничем не обязан: только художественной правде...»

Осень: «...Рано или поздно я закончу эту мучительную вещь, вздохну с облегчением и никогда больше не возьмусь за документалистику, а буду волен писать так, как хочется и пишется. Это будет самая радостная и счастливая пора.»

А вот настроение зимы всё того же 1975 года: «Скорей бы, скорее всё закончилось! Как надоело, как устал я! Даже не верится, что конец когда-нибудь будет...»

Снова и снова Дмитрий Яковлевич натывается на конкретные вопросы из лета 1942 года, оставляет рукопись на столе и идёт в архив. Правды и только правды – вот что требует он от себя...

Д.Я. Гусаров до мельчайших подробностей изучил отчет Н.П. Аристова о походе. С сохранившейся штабной карты сделал кальку-схему маршрута, на которой отмечал все более-менее значимые события в жизни бригады и каждого отряда в отдельности, узнавая о них из документов, дневников и воспоминаний партизан.

Чтобы лучше представить себе события лета 1942 года, он побывал на берегу Елмозера, в том месте, где происходила трагическая переправа, и на дороге в Кузнаволок, где партизаны принимали бой. Только в Национальном архиве Карелии Д. Я. Гусаров перелопатил 64 «дела» со многими сотнями документов в каждом, касающихся партизанского рейда в июне-августе 1942 года...

Он понимал: как ни маскируй книгу жанром романа-хроники, ни говори о ней в интервью как о попытке именно художественно-исторического исследования, придётся давать ответ за каждую оценку, за каждый эпизод или приведенный факт...

«Так и живу. Сижу, мучаюсь под перекрестным огнем двух вполне реальных в будущем, но пока еще мнимых батарей: со стороны ветеранов и со стороны литераторов. Временами чувствую, что сильнее бьют по мне ветераны, временами – литераторы. А практически может случиться, что те и другие ударят разом.»

20 марта 1976 года все 460 машинописных страниц романа-хроники «За чертой милосердия», отредактированные и перепечатанные в четырех экземплярах, лежали на редакторском столе. Через четыре дня, наполненных томлением и

тревогой, с немалым смятением в душе Дмитрий Яковлевич отдал рукопись на прочтение коллегам. Отдал, чтобы уже через два дня принимать поздравления с оглушительной, а для многих, и прежде всего для себя самого, – неожиданной творческой удачей...

«Батарей», которых он втайне боялся все шесть последних лет, орудия так и не расчехлили...

5

В конце зимы 1976 года Дмитрий Яковлевич еще не знал, что роман-хроника «За чертой милосердия», начавшая победное шествие по стране, и не только (многомиллионные тиражи «Роман-газеты», многократные выпуски в московских и местных издательствах, в Финляндии, Венгрии, Чехии...), станет его звездным часом⁵.

Гусаров строит новые творческие планы.

Он убежден, что главная книга еще впереди...

Главной книгой своей жизни он видел роман о женщине-современнице, богатой душой, умом и чувствами, прекрасной и непростой по характеру. «Писать её я буду с близкого расстояния от оригинала. Так никогда еще не пробовал...»

С кого собирался писать роман Дмитрий Яковлевич, догадаться нетрудно...

Однако сестра за работу не позволяют обстоятельства. Издательство попросило подготовить к переизданию роман «Боевой призыв», и Гусаров страдает над ним, не имея возможности переписать старую книгу от строчки до строчки. «По теперешнему моему пониманию и умению я мог бы дать этой книге новую и, может быть, значительную жизнь...»

Мешает и старая проблема...

«Как ни странно, но я снова должен поверить в себя. Это бывает со мной каждый раз с каждой новой вещью».

Чтобы вернуть себе уверенность, он решил написать две маленькие повести-были – «Гармонь» и «Айра». Первую начал еще летом 1973 года, в период творческого простоя в работе над романом-хроникой. «Айра» – так называли королеву у близкой и любимой родственницы Дмитрия Яковлевича, тети Фроси – Ефросиньи Михайловны Филипповой, приютившей после войны семью Гусаровых в своем маленьком доме в Любани. Он хотел написать о том дорогом для него времени, когда они выросли и «становились такими, какими стали»...

Планы пришлось пересматривать...

На Дмитрия Яковлевича разом навалились хроническая усталость и, как закономерное следствие, – болезни. Просто удивительно, как они не настигли его раньше...

В 1976 году Дмитрий Яковлевич попал в больницу, перенес две тяжелейших операции. Он почти девять месяцев провалялся попеременно то на больничной, то на домашней койке. К тому времени счет хирургическим операциям на его теле достиг четырех, а шрамов на обеих ногах, спине и животе насчитывалось уже десятки. Это давало повод грустно шутить в письмах к друзьям-партизанам: «Сам иногда удивляюсь тому, что живу, хожу и даже продолжаю работать...»

В этот самый тяжелый для него час Гусаров услышал ободряющее и целительное слово Константина Симонова...

Для современного читателя нелишним будет отметить тут, чем было для Гусарова и его поколения это имя. Константин Симонов – самый известный, самый знаменитый военный корреспондент Великой Отечественной войны, фронтовой писатель, очерками, стихами, прозой которого, начиная с Халхин-Гола, зачитывалась вся воюющая страна, глазами которого оценивала положение на фронтах от Баренцева моря до Крыма. Независимый, свободный, всемогущий, знающий всё и обо всех, К. М. Симонов был для миллионов солдат, партизан и всей читающей страны где-то там, на вершине. И с вершины этой было рукой подать и до Кремля, и до границы.

Небожитель!

На вершину славы он взлетел во время войны и оставался там, когда война закончилась: секретарь Союза писателей СССР, вписанный в состав руководства писательского союза рукой Стали-

⁵ О популярности романа-хроники Д. Я. Гусарова можно судить и по следующему факту. В 1987 году в серии «Библиотека советского романа» издательство «Советский писатель» выпустило том самых читаемых и обсуждаемых произведений десятилетия. В книгу вошли: роман Д. Гусарова «За чертой милосердия», повести В. Распутина «Живи и помни» и В. Быкова «Знак беды». Повесть В. Распутина была удостоена Государственной премии СССР, повесть В. Быкова получила Ленинскую премию. Но открывал том роман Д. Гусарова...

Приказом Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли весь 100-тысячный тираж книги, у которой даже не было общего названия, предназначался для поощрения книголюбов и в свободную продажу почти не поступил.

на, главный редактор «Нового мира» и «Литературной газеты»...

Не только маршала Советского Союза Г. К. Жукова и других крупных военачальников, но и многих писателей поносили тогда в прессе – по решению «хозяина» И. В. Сталина «ставили на место». Громили не просто популярного, – это слово не подходит к автору «Василия Тёркина» Александру Трифоновичу, – знаменитого и всеми любимого Твардовского. Злобно, мелочно, несправедливо и больно клевали в газетах и с трибун А.Фадеева и других.

К. М. Симонова не ругали.⁶

Может, еще и поэтому именно на него надеялся вчерашний партизан и студент филфака Дима Гусаров, когда со всех сторон на его повесть обрушился поток несправедливой брани...

Шапочно познакомилась она в 1954 году в Белоруссии на III съезде писателей. Сидели рядом, здоровались за руку да однажды сыграли на бильярде – вот и всё общение. Вторая встреча произошла летом 1970 года. Чтобы подтолкнуть ход реконструкции Кондопожского ЦБК, ЦК партии прислал в Карелию выездную редакцию газеты «Правда». С редакцией приехал и Константин Михайлович Симонов. Симонова, его жену Ларису Алексеевну и фронтового друга фотокорреспондента Халдея поселили в правительственной резиденции в Шуйской Чупе.

Константин Михайлович не скрывал, что в Карелию его привело желание вновь побывать в местах, где он начинал творческий путь первой творческой командировкой на Беломорканал. На торжественном обеде, когда И. И. Сенькин предоставил слово Гусарову, тост оказался не первым, «и в голове уже весело шумело». Дмитрий Яковлевич коротко рассказал об истории своей первой повести и как в тяжёлые для себя месяцы по-мальчишески надеялся на участие и поддержку Симонова.

Константин Михайлович воспринял сказанное очень серьёзно.

– Я готов исправить своё упущение и прочесть вашу повесть сейчас, – сказал он.

Все рассмеялись...

Тем летом Д. Гусаров работал над первыми главами романа-хроники «За чертой милосердия».

В декабре 1972 года К. М. Симонов снова приехал в Карелию. Были встречи с читателями, долгие разговоры о литературе. Дмитрий Яковлевич вспоминал о радости, что возникла от совпадения взглядов на литературный процесс, о

душевной приязни, которая родилась между ними тогда...

В марте 1976 года рукопись романа обсудили в Союзе писателей Карелии, её прочли и одобрили все члены бюро Карельского обкома КПСС. Решено было опубликовать роман в №7,8 и 9 журнала «Север»⁷.

Летом того же 1976 года Дмитрий Яковлевич неожиданно встретился в Москве с К. М. Симоновым. Встреча произошла в Большом Кремлевском дворце во время перерыва на VI Всесоюзном съезде писателей. Гусаров вспоминает, что Симонов обрадовался встрече. Многие писателей в Карелии он уже знал, читал их книги, передавал приветы...

– Как вам работаете? Пишется ли? Находите ли для этого время? – спрашивал Симонов. Уж он-то хорошо знал, сколько времени остаётся у главного редактора журнала для личного творчества.

– Помните, Константин Михайлович, вы выразили готовность с опозданием на 20 лет прочесть мою первую повесть?

Симонов улыбнулся:

– Да, помню.

– У вас есть случай исполнить своё обещание.

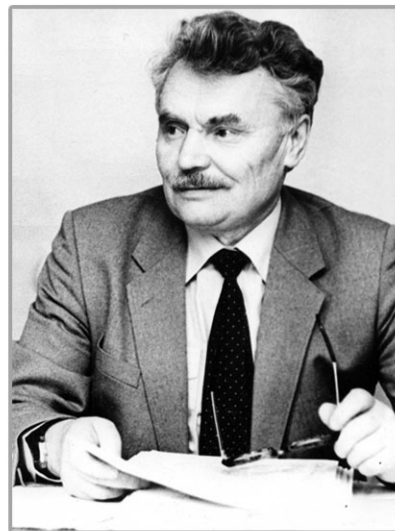
– С удовольствием.

– Я написал документальный роман, он сейчас печатается в «Севере», не согласитесь ли вы прочесть его, если пришло журналы?

– Обязательно прочту...

⁶ Справедливости ради, следует сказать здесь, что даже авторитета К. М. Симонова часто не хватало в борьбе с цензурой – его работы также запрещали и уродовали. Были запрещены к публикации книга «Сто суток войны» и заметки «К биографии Г. К. Жукова», а экранизация романа «Солдатами не рождаются» была настолько изуродована, что Константин Михайлович вынужден был снять из титров название романа и свою фамилию. Доклад «Уроки истории и долг писателя», сделанный К. М. Симоновым в 1965 году к двадцатилетию Победы, удалось опубликовать только через 22 года, в 1987 году.

⁷ При обсуждении рукописи романа-хроники Д.Я. Гусарова «За чертой милосердия» в Союзе писателей Карелии жёсткое возражение против публикации высказал только Иван Михайлович Петров (Тойво Вякя). Видимо, душа легендарного чекиста, полковника КГБ в отставке, с молодости застёгнутая на все пуговицы в мундир офицера спецслужбы, никак не могла согласиться с тем уровнем правды о лесной войне, которую позволил себе в книге его литературный наставник и друг Д. Я. Гусаров.

*Дмитрий Гусаров. 1945 год**Дмитрий Гусаров. 50-е годы**Дмитрий Гусаров. 80-е годы*

В сентябре все три журнальные книжки с романом Д. Я. Гусаров отправил в Москву. Самого же через месяц на скорой увезли в больницу с жесточайшим приступом боли, увезли, чтобы немедленно уложить на хирургический стол...

На этот раз и в больнице Дмитрий Яковлевич долгожданного облегчения не получал. Его лечили, выписывали из одного отделения, чтобы сразу же перевести в другое, из другого в третье. Но и там, и там, и там страдания только нарастали. Желчный пузырь, бронхиальная астма, пузырь мочевого, радикулит... Все эти годы болезни накапливались в его организме и, казалось, только ждали, когда он закончит свой роман. И теперь набросились хищной стаей...

«Это было ужасное состояние, когда нормально живёшь, мыслишь и чувствуешь лишь после укола, да и то часа два, не больше, – вспоминал он. – Нервы у меня были уже на пределе, я плохо себя контролировал и временами плакал втихомолку от горечи и бессилия».

И в это самое время ему принесли большое письмо К. М. Симонова.

«...Вы сдержанно, без выкриков, без демагогических вопросов пишете жестокую правду того времени...»

Письмо было большим, по-товарищески прямым и честным, без той снисходительной комплиментарности, свойственной знаменитым в оценке своих коллег. Симонов очень высоко оценил роман Гусарова. И словно бы гора спала с души раздавленного болезнью писателя:

«...Я сразу оказался словно бы уже не на земле, не в хворобе и отчаянии, а где-то на седьмом небе. По слабости и измотанности души даже читать не смог, глаза застилала слёзы, и я тихо заплакал. Боже, какое письмо написал мне Константин Михайлович!»

Такого Дмитрия Яковлевича Гусарова никто из самых близких и друзей не только никогда не видел, но даже представить себе не мог. О нём, плачущем, узнали только из публикации дневниковых записей в журнале «Север»⁸. Гусаров был боец и всегда помнил об этом.

6

Суждения Константина Михайловича Симонова о романе-хронике «За чертой милосердия» оказались по-настоящему целительными. Вскоре после очередной плановой поездки в больницу Дмитрий Яковлевич поправился и смог продолжить работу и в журнале, и за писательским столом.

Между тем роман-хроника, как мы уже говорили, вышедшая в сборнике Госкомиздата СССР, по его оценке, в «лестной» для Гусарова компании с Василём Быковым и Валентином Распутиным, и опубликованная многомиллионным тиражом «Роман-газетой», вызвала целый поток ре-

⁸ Север, 1996, № 6, с. 84-89.

цензий в прессе и личных писем. Любопытно, как одинаково высоко, но по-разному писали о книге Гусарова именитые литераторы. Каждый подмечал то, что особенно дорого именно для него.

Автор пронзительных книг о войне Василь Быков писал из Белоруссии:

«Я должен Вам сказать, что Вы написали прекрасную книгу, что её значение в современной советской литературе еще не оценено по достоинству (хотя оценено высоко), что этим своим романом Вы поднимаете нашу литературу о войне на новую, до сих пор никем не достигнутую ступень, что главный герой Вашей книги – скромная, тихая, но очень глубокая правда...»⁹

Писатель и фронтовик Виктор Петрович Астафьев так оценивал роман Д. Я. Гусарова:

«...Я представляю, сколько и чего осталось за «бортом» книги! Вот так, постепенно, мало-помалу и будет написана картина войны. Приближенная к действительности, нисколько не убавляющая сделанного нашим народом и правду воскресающая, эту правду, от которой волосы дыбом...»¹⁰

Известный советский литературный критик Игорь Золотусский:

«Давно я не читал книг столь напряженно-честных и безыскусно-горьких, как Ваша книга. После повестей Константина Воробьева, которые дошли до нас, по существу, в семидесятые годы, не читал...»¹¹

Не удержался от мнения и автор «Севера», начинавший в ту пору путь в литературе, знаменитый спортсмен, тяжелоатлет, многократный

чемпион мира Юрий Власов. Самый сильный человек планеты, некогда гордость страны, а теперь забытый властью, переживший чудовищную личную трагедию, потерю здоровья и жены и, как казалось окружающим его людям, оставшийся без какого-либо созидательного будущего, он по-своему оценил книгу Дмитрия Яковлевича Гусарова:

«...Зла много, зло слишком часто торжествует. Для жизни, добра, для утверждения достоинства, справедливости и чести нужны такие книги, как Ваша. Среди потока официального слюнтяйства, лизоблюдства и откровенного вырождения радостно встретить сильную и умную книгу».¹²

За роман-хронику «За чертой милосердия» и многолетнюю и плодотворную работу в литературе Совет министров Карельской АССР присвоил Дмитрию Яковлевичу Гусарову почётное звание «Народный писатель Карелии».

Фото из Национального архива РК и домашнего архива Д. Я. Гусарова.

9 НА РК, Ф.470, оп.1, ед.хр.105, л.58

10 Там же, л.27.

11 Там же, л. 127

12 Там же. л. 71

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 1014 года.

